

Евгений Гребень

Нацистская оккупация в воспоминаниях жителей белорусско-латвийско-российского пограничья*

Ключевые слова: Беларусь, нацистская оккупация, воспоминания, пограничье

Материалы устной истории показывают как уникальные судьбы конкретных граждан, находящихся в одинаковой общественно-политической и социально-экономической ситуации, так и специфику регионов одного государства. В статье на основе воспоминаний очевидцев германской оккупации 1941–1944 гг. будет показана специфика повседневности в Верхнедвинском и Россонском районах Беларуси, пограничных с Латвией и Россией.

В период оккупации граница между указанными районами, Латвией и Калининской областью РСФСР являлась также границей между генеральным округом Латвия (*Generalbezirk Lettland*) и тыловой зоной группы армий «Центр». Спецификой региона было наличие крупных лесных массивов, что способствовало высокой концентрации партизан в пограничье. Здесь сложилась Россонско-Освейская партизанская зона, партизаны которой взаимодействовали с партизанами Калининской (ныне Псковской) области и использовали регион как базу для атак на немецкие коммуникации в тыловой зоне группы армий «Центр» и объекты в Латвии. В свою очередь немцы попытались создать пояс безопасности вдоль белорусско-латвийской границы и ликвидировать угрозу коммуникациям в тыловой зоне, для чего, помимо перманентной борьбы с партизанами, было проведено несколько масштабных карательных операций: «*Panther*» («Пантера», август 1942 г., Россонский район), «*Schneehase*» («Заяц-беляк», январь – февраль 1943 г., Россонский и Верхнедвинский районы), «*Winterzauber*» («Зимнее волшебство», февраль – март 1943 г., треугольник Себеж – Освея – Полоцк), «*Heinrich*» («Генрих», 31 октября – 9 ноября 1943 г.) (*Карательные акции 2008*). Итогом масштабной паци-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках проекта № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941–1944 гг.».

Saleniece, I., ed. *History: Sources and People*. XXIV. Daugavpils: Daugavpils University Academic Press “Saule”, 2021. 306 p.

The collection of articles “History: Sources and People” of History Department of the Faculty of Humanities of Daugavpils University is a double-blind peer-reviewed periodical with the international editorial board. It publishes articles aimed at presenting the research findings in the field of history, as well as historiography and auxiliary historical disciplines. It is published once a year in Latvian, English, and Russian.

Editorial Board

Irēna Saleniece (Daugavpils University, Latvia) – editor in chief
Sandra Grigaravičiūtė (Vytautas Magnus University, Lithuania)
Ēriks Jēkabsons (University of Latvia, Latvia)
Tatjana Kuzņecova (Daugavpils University, Latvia)
Olaf Mertelsmann (University of Tartu, Estonia)
Ilgvars Misāns (University of Latvia, Latvia)
Valerii Nikulin (I. Kant Baltic Federal University, Russia)
Henrihs Soms (Daugavpils University, Latvia)
Geoffrey Swain (University of Glasgow, United Kingdom)
Vitālijs Šalda (Daugavpils University, Latvia)
Juris Urtāns (Latvian Academy of Culture, Latvia)

Literary editors

Jana Butāne-Zarjuta, Anatolijs Kuzņecovs, Sandra Meškova

Technical editor

Kristaps Jumis

Lay-out

Marina Stočka

Included in EBSCO database.

фикации стало сожжение 443-х деревень в Верхнедвинском и 172-х деревень в Россонском районах, в которых было уничтожено 131 999 и 3 254 мирных жителей соответственно (*Белорусские деревни*). Естественно, что эти драматические события в регионе повлияли на послевоенную оценку людей, которые смогли выжить.

В статье использованы воспоминания 13-ти граждан Беларуси 1922–1934-х годов рождения. Трое информантов – жители Верхнедвинского района, десять – Россонского. В 12-ти воспоминаниях либо отсутствует полностью, либо дается крайне фрагментарно характеристика жизни и быта людей в то время, когда их населенный пункт контролировался оккупационной администрацией. Почти полное отсутствие информации по данному аспекту объясняется непродолжительностью пребывания под властью врага. Последующие же события вытеснили воспоминания об относительно спокойном периоде (Рубашенко, Шевцова).

В ряде воспоминаний фиксируются спорадические контакты с немцами, проходившими через отдельные деревни в самом начале войны. Фигурируют традиционные для воспоминаний жителей других регионов сцены мародерства, адресные репрессии против лиц, подозреваемых в связях с советской властью, отправление физиологических потребностей публично, не стыдясь местных жителей (Зыкова, Кондратьев, Минькова, Полевечко, Сандар, Шаркель, Шевцова).

Впоследствии судьба информантов сложилась следующим образом. В ходе карательных операций их семьи вынуждены были уйти в лес. Два информанта и их родственник были захвачены немцами и отправлены на принудительные работы в Эстонию и Германию (Лебедева, Рубашенко); семьи двух информантов были эвакуированы партизанами через линию фронта в освобожденную от немцев Калининскую область РСФСР (Завгородняя, Шаркель); 8 информантов в 1943–1944 годах до освобождения продолжительное время находились в лесных лагерях (Бондарева, Зыкова, Кондратьев, Кондратьева, Минькова, Полевечко, Сандар, Шевцова).

Начиная с 1942 г. и до конца оккупации для абсолютного большинства жителей региона складывается иная повседневность. Реальностью стал неоднократный уход в лес, где в итоге семьи информантов обосновались на постоянной основе (многие пробыли в лесу до девяти месяцев), поскольку возврат в деревню был сопряжен с риском быть уничтоженным, или же людям просто некуда было возвращаться. Гражданские лагеря основывались или под охраной партизан неподалеку от их лагеря, или люди жили автономно.

Воспоминания людей, живших в лесу, насыщены жестокими сценами. Например, ситуация выбора для человека во время карательной операции: когда отец семейства убежал от карателей, бросив жену и детей или же дети предлагали матери спастись от немцев, оставив их самих в землянке; радость от вида горящей родной деревни, поскольку это означало, что немцы покинут данный район и оставят лагерь беженцев на какое-то время в покое; чудесное спасение женщин от гранат, брошенных немцами в землянки (Бондарева, Лебедева).

Продолжительность нахождения группы гражданских лиц в конкретном лесном лагере зависела от случайности. Изредка лагерь оккупанты не могли обнаружить и люди смогли прожить на одном месте до окончания оккупации, но чаще всего место жительства приходилось постоянно менять, так как леса постоянно прочесывали немцы и бойцы коллаборационистских формирований (Зыкова, Минькова). Например, в одном случае лагерь удалось замаскировать еловыми ветками, и немцы его не обнаружили (Полевечко), в другом люди вынуждены были питаться корнями болотных растений, протаптывая проходы к болоту, которые демаскировали лагерь (Лебедева).

Во время переходов на новое место информанты видели сцены насилия над мирным населением: вода в реке была красной от крови многочисленных тел убитых людей, сваленных в реку; красными были галоши на ногах старика, прижавшего к себе обгорелые трупы детей в сарае, где были сожжены жители деревни; останки односельчан (Зыкова, Полевечко).

В подавляющем большинстве случаев в качестве участников карательных операций фигурируют именно немцы, на которых и возлагается вина за все зверства и вынесенные тяготы (Бондарева). В то же время в рассказах упоминаются украинцы, «народники» (очевидно, речь идет о бойцах какого-то вооруженного формирования русских коллаборационистов), которых идентифицировали поговору (Зыкова, Лебедева, Минькова). Бойцы латышских полицейских батальонов, которые массово привлекались немцами к упоминаемым выше карательным операциям, информантам не встречались, но жительница д. Жигули Верхнедвинского района сообщает, что от рук латышей погибла ее бабушка в другой деревне (Снежин).

Если группа граждан была связана с партизанами, последние могли оказывать им помощь продуктами. Продукты питания и скот для последующего убоя партизанами доставлялись из приграничных районов Латвии. Коровы временно могли передаваться сельчанам в пользование, а после

убоя им выделялось некоторое количество мяса (ноги, головы) (Зыкова, Полевечко, Сандар). Некоторым семьям посчастливилось найти схроны продуктов (мука или зерно) в брошенных партизанами лагерях (Бондарева, Минькова). Иногда бежавшие в лес осмеливались заходить за продуктами в деревни, которые еще оставались не сожженными (Минькова). Реальностью стал перманентный голод, экстремальная гастрономия, когда приходилось искать подножный корм (заячья капуста и другое), питаться болтушкой из муки, варить кости, внутренности животных, пролежавших зиму под снегом, пить растопленный снег. Люди часто не имели крова над головой, жили в условиях антисанитарии, следствием чего стал тиф (Бондарева, Зыкова, Лебедева, Минькова, Полевечко).

Оценка информантами партизан в целом положительная, тем более что в партизаны ушло много родственников и односельчан (Бондарева, Завгородняя, Зыкова, Лебедева, Сандар). Неоднократно в положительном ключе в рассказах упоминается будущий первый секретарь ЦК Коммунистической партии БССР Петр Миронович Машеров (1918–1980), бывший в годы войны активным участником Сопротивления в Россонском районе (Кондратьев, Лебедева, Минькова, Полевечко). Позитивная оценка дается также бойцам латышского партизанского отряда (Минькова). При этом отмечаются акты насилия, творимые против жителей не только оккупантами, но и партизанами. Например, расстрел отца одного информанта, который был выбран старостой и сотрудничал с партизанами, но расстрелян партизанами другого отряда (Полевечко); ликвидация нескольких зажиточных семей в период контроля деревни немцами (Шевцова); казнь гражданина, который публично радовался окончанию советской власти, и убийство прикладами старосты и пожилой женщины (Лебедева); расстрел партизаном родного брата – полицейского (Завгородняя); спасение старосты от расстрела вовремя появившимся знакомым партизаном (Минькова). Резко негативные отзывы всех информантов касаются «калининцев» (бойцы партизанских бригад, прибывших в Россонский район из Калининской области РСФСР). Приводятся примеры, когда калининцы реквизировали лошадь у старика в лесном лагере, угрожая расстрелом (Полевечко), забрали сохнувшее на ветке детское одеяло у женщины с грудным ребенком (Бондарева). Все информанты четко разграничивают их и местных партизан.

Единственным исключением, диссонирующим с двенадцатью остальными, являются воспоминания жительницы деревни Жигули. Деревня расположена на шоссе Верхнедвинск – Полоцк недалеко от города Вер-

хнедвинска, и все три года оккупации находилась под твердым контролем немцев. Непосредственная близость к райцентру и отсутствие вблизи нее крупных лесных массивов, в которых укрывались бы партизаны, и, как следствие, не вхождение в зону проведения карательных операций, сформировали иную картину оккупационной повседневности, коррелирующую с той повседневностью, которая видна из документов оккупационной администрации. Информант упоминает сдачу налогов немцам (сдавали мясо, картофель, зерновые, возили молоко в Дриссу¹), обязательную повинность, заключающуюся в очистке дороги (каждая трудоспособная женщина была обязана очищать определенный участок), мобилизацию в Германию посредством рассылки повесток через сельскую администрацию, а не путем захвата в ходе карательной операции. В связи с мобилизацией в Германию информант приводит такие тактики уклонения как подкуп представителя волостной администрации (отец отдал золотое кольцо, три литра самогона и сколько-то денег), фиктивный брак, в который ей пришлось вступить после повторно полученной повестки (как правило, отправляли незамужних). Упоминается наличие в семье скота до самых последних дней войны. Одна из двух коров уцелела до последних дней оккупации, причем женщина пасла ее на глазах у немцев, которые строили оборонительные сооружения возле деревни. Отец информанта продолжительное время пользовался бывшей колхозной лошадью, которая была закреплена за пятью семьями.

Немцы в деревне появлялись sporadически, акты насилия не упоминаются, за исключением случаев традиционного мародерства. Про карательные акции местные жители слышали, но лично не сталкивались. Они знали об убийстве евреев; отца и деревенских мужчин мобилизовали копать яму для захоронения расстрелянных евреев в Верхнедвинске. Полиция бывала часто, но в воспоминаниях позиционируются как «свои хлопцы», которые также не терроризировали население. Более негативные отзывы касаются бойцов не установленного подразделения русских коллаборационистов, размещавшихся ориентировочно в 1943–1944 гг. вблизи деревни, которых информант называет то «власовцами», то «казаками». С ними информант связывает мародерство и описывает случай ареста и намеренный расстрел отца, который отказался отдавать казакам лошадь.

Партизаны в деревню также заходили sporadически. К ним из деревни ушло всего двое (местный житель и красноармеец-окруженец).

---

¹ Современный Верхнедвинск.

Население помогало им продуктами, все знали, кто помогает, но никто не донес на соседа. Партизаны не совершали актов насилия, принудительных реквизиций продуктов с помощью оружия (очевидно, деревня была слишком отдалена от их баз и находилась слишком близко к месту дислокации подразделений немцев и полиции); периодически пользовались отцовской лодкой для переправы через реку (Снежин).

Воспоминания жителей белорусско-латвийско-российского пограничья — это истории не просто переживших оккупацию, а истории чудом уцелевших людей вопреки усилиям немцев. Рассказы проживавших здесь в годы войны информантов диссонируют с воспоминаниями жителей других регионов Беларуси, прежде всего ее западной части, бывшей до сентября 1939 г. в составе Польши. Жителям всех районов приходилось сталкиваться с насилием со стороны оккупантов и терпеть лишения, но именно жителям пограничья пришлось столкнуться с тотальным, концентрированным насилием. То, что определяло повседневность людей в других регионах (работа на земле, сдача налогов, различные стратегии выживания в сложных социально-экономических условиях) здесь являлось исключением. Реалиями для практически всего мирного населения Верхнедвинского и Россонского районов стали попытки спасти жизнь в ходе массивных карательных операций нацистов.

Список источников и литературы

(Бондарева 2019) Воспоминания Бондаревой Евгении записаны Е. Гребенем и А. Корсак 12 мая 2019 года в деревне Великое Болото Россонского района; аудиозапись (9 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

(Завгородняя 2019) Воспоминания Завгородней Нины записаны Е. Гребенем и А. Корсак 11 мая 2019 года в деревне Бирюзово Россонского района; аудиозапись (42 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

(Зыкова 2014) Воспоминания Зыковой Александры записаны Е. Гребенем 9 сентября 2014 года в поселке Освея Верхнедвинского района; аудиозапись (58 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.

(Кондратьев, Кондратьева 2019) Воспоминания Кондратьева Франца и Кондратьевой Надежды записаны Е. Гребенем и А. Корсак 11 мая 2019 года в деревне Янковичи Россонского района; аудиозапись (1 час 48 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

(Лебедева 2019) Воспоминания Лебедевой Ольги Ивановны записаны Е. Гребенем и А. Корсак 12 мая 2019 года в деревне Шалашники Россонского района; аудиозапись (43 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

(Минькова 2019) Воспоминания Миньковой Александры записаны Е. Гребенем и А. Корсак 12 мая 2019 года в деревне Павлово Россонского района; аудиозапись (26 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

(Полевечко 2019) Воспоминания Полевечко Марии записаны Е. Гребенем и А. Корсак 12 мая 2019 года в деревне Якубово Россонского района; аудиозапись (45 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

(Рубашенко 2019) Воспоминания Рубашенко Надежды записаны Е. Гребенем и А. Корсак 12 мая 2019 года в деревне Селявщина Россонского района; аудиозапись (25 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

(Сандар 2014) Воспоминания Сандар Галины записаны Е. Гребенем 9 сентября 2014 года в городе Верхнедвинске; аудиозапись (36 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

(Снежин 2014) Воспоминания Снежин Станиславы записаны Е. Гребенем 18 апреля 2014 года в деревне Жигули Верхнедвинского района; аудиозапись (57 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

(Шаркель 2019) Воспоминания Шаркель Любви записаны Е. Гребенем и А. Корсак 11 мая 2019 года в деревне Альбрехтово Россонского района; аудиозапись (36 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

(Шевцова 2019) Воспоминания Шевцовой Валентины записаны Е. Гребенем и А. Корсак 11 мая 2019 года в деревне Янковичи Россонского района; аудиозапись (16 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.

Карательные акции в Беларуси: посвящается 65-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков (2008). Минск: Сталія. 163 с. *Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны* (База данных) <http://db.narb.by/> (20.01.2020).

Jevgeņijs Hrebens

Nacistu okupācija Baltkrievijas–Latvijas–Krievijas pierobežas iedzīvotāju atmiņās

Atslēgas vārdi: Baltkrievija, nacistu okupācija, atmiņas, pierobeža

Kopsavilkums

Balstoties uz Baltkrievijas iedzīvotāju atmiņām, rakstā aprakstīta situācija Baltkrievijas–Latvijas–Krievijas pierobežā vācu okupācijas laikā no 1941. līdz 1944. gadam.

Uzmanība tiek pievērsta situācijai pierobežā, analizēts, kā šī situācija ietekmēja cilvēku atmiņas mūsdienās. Visi informanti bija spiesti pārdzīvot nacistu soda operācijas pret partizāniem, tāpēc viņu stāstos galveno vietu ieņem blokādes apraksti, daudzu mēnešu eksistence mežā. Atmiņās atzīmēti sākotnējā okupācijas periodā pastāvošie epizodiskie kontakti ar vērmahta daļu karavīriem, viņu marodierisms, augstprātība pret vietējiem iedzīvotājiem, bet tajā pašā laikā vardarbības neesamība, kas bija raksturīgi arī citiem reģioniem. Vēlāk vācieši atmiņās parādās kā soda operāciju dalībnieki. Attiecībā uz partizānu kustības dalībniekiem vērtējumi svārstās no pozitīvajiem, ja tiek runāts par partizāniem no vietējo pamatiedzīvotāju vidus, kuri cīnījās baltkrievu vienībās, līdz ārkārtīgi negatīviem, ja tiek vērtēta to vienību kaujinieku rīcība, kuri ieradās no KPFSR teritorijas.

Ikdienas dzīve pirms blokādes, kad okupācijas administrācija stingri kontrolēja reģionu, ir aprakstīta fragmentāri, jo relatīvi mierīgās pastāvēšanas periods bija ārkārtīgi īss un iespaidus par to vēlāk aizstāja daudz traumatiskākas atmiņas.

Tādējādi absolūtā pierobežas iedzīvotāju vairākuma ikdienas dzīve sastāvēja no centieniem izdzīvot uz nacistu plaša mēroga soda operāciju fona.

Yauhen Hreben

**Nazi Occupation in the Memories of the Inhabitants of
the Belarusian–Latvian–Russian Borderland**

Key words: Belarus, Nazi occupation, memories, borderland

Summary

Based on the memories of the inhabitants of Belarus, the situation in the Belarusian–Latvian–Russian borderlands during the Nazi occupation of 1941–1944 is described in the article.

The attention is focused on the specifics of the situation in the borderlands, it is analyzed how this specificity influenced people's memories at present. All informants had to survive the punitive operations of the Nazis against the partisans, therefore, the descriptions of the blockade, everyday under practices conditions of months-long existence in the forest occupy the central place in their stories. There are sporadic contacts with Nazi servicemen in the initial period of the occupation, memories of passing Wehrmacht unitstypical of other regions, small-scale pillaging, but, at the same time, the absence of large-scale violence, arrogance towards local residents. Later, the Nazi are featured as participants in punitive operations. Regarding to the participants of the Resistance movement, the assessments range from positive, if we are talking about partisans from among native-borns who fought in the Belarusian detachments, to extremely negative, if the actions of the fighters of the detachments who arrived from the territory of the RSFSR are assessed. Daily living before the blockade, during the control of the region by the occupation administration, is described fragmentarily, since the period of relatively calm existence was extremely short and subsequently supplanted by the most traumatic memories.

Thus, the everyday life of the absolute majority of the borderlands inhabitants is an attempt to survive against a backdrop of large-scale punitive operations of the Nazis.